

Владимир Кожевников

Хроники Гипноса: Сингулярность Подсознания

Владимир Кожевников

**Хроники Гипноса:
Сингулярность Подсознания**

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Хроники Гипноса: Сингулярность Подсознания /
В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Доктор Алан Рид посвятил жизнь проекту «Сомнус» — технологии, позволяющей заглянуть в человеческие сны. Но очередной эксперимент оборачивается катастрофой: вместо привычных образов Алан видит чужую реальность, где его умерший наставник жив, а лаборатория вывернута наизнанку. Сны оказываются не просто порождением мозга — это обрывки погибших вселенных, ищущих нового носителя. Вместе с ассистенткой Лаурой, хранящей собственные тёмные тайны, Рид погружается в лабиринт параллельных миров, где кварцевые леса, спящие сущности и фантомы прошлого стирают границу между явью и кошмаром. Чтобы остановить вторжение, им придётся понять, кто на самом деле является Архитектором — и какую цену придётся заплатить за пробуждение. Леденящий кровь научно-фантастический роман о природе сновидений, жертвенности и цикличности бытия.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прокол в Бездну	5
Глава 2. Архитектор Пустоты	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Хроники Гипноса:

Сингулярность Подсознания

Глава 1. Прокол в Бездну

Мир перевернулся, но не в визуальном, а в гравитационном смысле. Алан Рид не лежал на кушетке, а был распят давлением, исходившим отовсюду одновременно. Воздух вокруг имел не вкус, а консистенцию — холодную, как застывшее стекло, и вязкую, как сироп. Он попытался пошевелить пальцами, но конечности не отозвались; они были словно налиты свинцом, придавлены к невидимой поверхности, которой на самом деле не существовало.

Он знал: это не просто сон. Это сбой. Сбой в протоколе «Сомнус».

Лаборатория вокруг него была знакома до последней трещины на кафеле, но каждая деталь несла на себе печать чудовищной инверсии. Столы и кресла росли из потолка, словно сталагмиты, вывернутые наизнанку. Мониторы, закрепленные на стенах, транслировали не энцефалограммы, а бесконечные, пульсирующие спирали, которые сворачивались в самые глубины экрана, затягивая взгляд в воронку. Пол был покрыт тонким слоем чего-то, напоминающего измельченное стекло, но, когда Рид попытался сфокусировать зрение, оказалось, что это застывшие капли ртути, слипшиеся в причудливые узоры.

В центре комнаты, где по логике вещей должен был стоять аппарат магнитно-резонансной томографии, парила сфера идеальной формы. Она была амальгамой, зеркалом, но отражала не его комнату, а чужую лабораторию — ту же самую, но с одной пугающей деталью: на операционном столе, опутанный проводами и трубками, лежал его мертвый наставник, профессор Майлз Кейн. Кейн выглядел так, словно умер только вчера, а не три года назад от обширного инсульта. Его кожа была восковой, но на губах застыла странная, почти торжествующая улыбка.

Голос пришел не снаружи, а из костей черепа, вибрируя на частоте, от которой крошилась эмаль зубов.

— Ты смотришь не в прошлое, Алан. Ты смотришь в версию, где ты умер, а он продолжил.

Рид хотел зажать уши, но не чувствовал рук. Он попытался закричать, но горло сдавило невидимой петлей, и наружу вырвался лишь сдавленный хрип, похожий на скрежет шестеренок в старом радиоприемнике.

— Что за бред... — прошептал он мысленно, цепляясь за остатки рациональности. — Это сон. Обычный кошмар. Протокол нарушен, и я вижу проекцию собственных страхов.

— Не бред. Дренаж, — голос стал громче, он уже не просто звучал в голове, а пульсировал в каждой клетке тела. — Вы с Кейном построили не аппарат для чтения снов. Вы построили дренажную трубу. И по ней в эту реальность начало стекать то, что вы называете кошмарами. Они ищут своего носителя.

Ртутная сфера дрогнула. По её идеально гладкой поверхности пошли трещины, и из них просочились звуки — обрывки чужих исповедей, криков, молитв и последних вздохов. Алан почувствовал, как его собственное сознание разжижается под этим давлением. Лица — десятки, сотни лиц — мелькнули перед его внутренним взором. Они смотрели на него с мольбой, с ненавистью, с животным страхом. Их рты были зашиты тонкими серебряными нитями, но он все равно слышал их голоса. Они умоляли его остановиться. Они проклинали его. Они звали его по имени.

Он попытался отвести взгляд от сферы, но не мог. Она гипнотизировала, втягивала, как черная дыра втягивает свет. Он чувствовал, как его личность — все его воспоминания, убеждения, страхи — начинает расслаиваться, словно луковица, и каждый слой уносится в эту бездну.

Внезапно сфера взорвалась беззвучно. Ртутные капли разлетелись во все стороны, но не упали, а замерли в воздухе, образовав вокруг Алана плотную взвесь. В каждой капле он видел отражение — но не свое, а чужое. Это были отражения людей, которых он никогда не встречал, но чьи жизни он, казалось, проживал в этот момент. Боль, радость, ужас, надежда — все смешалось в единый поток, захлестнувший его сознание.

А затем наступила темнота.

Рид очнулся на полу лаборатории. Электроды на висках лопнули, оставив глубокие ожоги, а провода, опутывавшие его тело, были вырваны из гнезд. Пахло паленым пластиком и озоном. Вокруг суетились лаборанты, их лица были размытыми, голоса доносились как сквозь вату.

— Давление упало до критического!

— Зрачки не реагируют!

— Нужна реанимация!

Он попытался приподняться, но руки не слушались. Тело было чужим, непослушным, словно он управлял им через плохо настроенный интерфейс. Наконец ему удалось повернуть голову, и взгляд уперся в смотровое окно, отделяющее лабораторию от комнаты наблюдения.

Там стояла Лаура. Его ассистентка, правая рука, единственный человек, которому он доверял безоговорочно. Она не суетилась, не звала на помощь. Она стояла неподвижно, как изваяние, и смотрела прямо на него сквозь стекло. На её губах играла едва заметная улыбка — та самая, которую он видел на лице мертвого Кейна в сфере.

Алан моргнул. Улыбка исчезла. Лаура рванулась к двери, распахнула её и вбежала в лабораторию. Её лицо было искажено ужасом, руки дрожали.

— Алан! Ты слышишь меня? — кричала она, опускаясь рядом на колени. — Вызовите скорую! Быстро!

Она склонилась над ним, и в этот момент он увидел её глаза. В глубине зрачков, в самой темной точке, на долю секунды мелькнула серебристая рябь, похожая на ртуть. Она исчезла так быстро, что Рид не был уверен, не почудилось ли ему это.

— Что... что случилось? — прохрипел он, чувствуя, как горло раздирает боль.

— Ты кричал, — ответила Лаура, и её голос предательски дрогнул. — Ты кричал так, что датчики оплавилась. А потом... потом наступила тишина.

Рид закрыл глаза. Перед внутренним взором все еще стояли лица с зашитыми ртами. Он слышал их шепот. Он чувствовал их отчаяние. И впервые за долгие годы он по-настоящему испугался.

— Лаура, — прошептал он, не открывая глаз. — Запусти протокол изоляции. Сейчас же.

— Но мы не закончили калибровку...

— Делай, что я говорю! — его голос сорвался на крик, и боль пронзила горло с новой силой.

Лаура на мгновение замерла, затем кивнула и поднялась. Алан услышал, как она отдает приказы, как шумит аппаратура, как тяжелые двери лаборатории с лязгом закрываются. И только когда наступила полная тишина, он позволил себе снова открыть глаза.

Он лежал на полу, глядя в потолок. Там, среди кабелей и ламп, он заметил маленькое пятнышко ртути, которое медленно стекало вниз, словно слеза. Оно висело на высоте нескольких метров, игнорируя гравитацию, и пульсировало в такт его сердцебиению.

Алан знал, что это значит. Это был не сон. Сон был здесь. И он только начинал просыпаться.

Глава 2. Архитектор Пустоты

Изоляция — это не просто закрытые двери и отключенные внешние каналы. Это особая форма тишины, которая стужается в углах, словно ядовитый туман, и пропитывает каждую поверхность, каждый вдох. Алан Рид провел в такой тишине шестнадцать часов, прежде чем смог подняться с койки медицинского блока и дойти до душа. Вода стекала по его телу, смывая остатки ртутной взвеси, вьёвшейся в поры, но ощущение чужого присутствия не проходило.

Он стоял под ледяными струями, упершись лбом в кафельную стену, и пытался собрать мысли в подобие логической цепи. Сон. Сбой. Сфера. Кейн. Ртуть. Лица с защитными ртами. Все это было слишком ярким, слишком детализированным для обычного кошмара. Обычные сны забываются в первые минуты после пробуждения, но этот въелся в память, как ожог. Алан до сих пор слышал обрывки тех голосов — они скреблись на периферии сознания, словно крысы за гипсокартоном.

— Ты построил дренажную трубу. И по ней в эту реальность начало стекать то, что вы называете кошмарами.

Эти слова не были плодом его воображения. Он знал это с той же неумолимой уверенностью, с какой знал, что сердце бьется в груди. Он чувствовал их вес, их чужеродность. Они не принадлежали ему.

Выключив воду, Рид насухо вытерся и надел свежий комбинезон. В зеркале отражалось его лицо — осунувшееся, с темными кругами под глазами, но не потерявшее той упрямой остроты, которая всегда отличала его среди коллег. Ему было сорок два, но сейчас он выглядел на все пятьдесят. Три года после смерти Кейна он жил только работой, забыв о личной жизни, о простых человеческих радостях. Проект «Сомнус» стал его искуплением, его навязчивой идеей, его способом доказать, что смерть наставника не была напрасной.

Теперь эта идея грозила обернуться катастрофой.

Лаура ждала его в центральном зале. Она сидела за консолью, быстро перебирая клавиши, и на экранах перед ней разворачивались графики, таблицы, потоки необработанных данных. Услышав шаги, она обернулась. Её лицо было сосредоточенным, но в глазах тлел холодный, расчетливый огонь.

— Ты выглядишь дерьмово, — сказала она без тени сочувствия. — Но работать можешь. Садись.

Рид послушно опустился в кресло рядом. Лаура всегда была прямолинейной, но сегодня её резкость казалась особенно острой, как скальпель. Он знал, что за этим стоит. Три года назад, когда Кейн умер, Лаура была ведущим инженером-разработчиком. Её обвинили в халатности, приведшей к сбою протокола, отстранили от работы, лишили грантов. Она вернулась в проект только благодаря Риду, который выбил для неё место ассистента, но шрамы на её репутации так и не зажили.

— Что показывают датчики? — спросил Алан, стараясь говорить ровно.

— Ничего хорошего, — Лаура вывела на главный экран сводную таблицу. — Все системы работали в штатном режиме вплоть до момента сбоя. Никаких скачков напряжения, никаких ошибок в коде. Но за четырнадцать секунд до того, как ты начал кричать, активность твоего мозга изменилась. Посмотри сюда.

Она увеличила фрагмент энцефалограммы. Линии на экране извивались, как змеи, но в одном месте они слились в идеально ровную горизонтальную полосу, которая длилась ровно четырнадцать секунд.

— Это не похоже на сон, — продолжила Лаура. — Это похоже на клиническую смерть. Твой мозг на эти четырнадцать секунд просто отключился. А потом — резкий всплеск, в десять раз превышающий норму.

— И что это значит?

— Я не знаю, — впервые за все время она отвела взгляд. — Ни одна из наших моделей не предсказывает такого поведения. Если бы я не видела это своими глазами, я бы сказала, что данные подделаны.

Рид потерял виски. Головная боль накатывала волнами, то отступая, то возвращаясь с новой силой. Он снова увидел перед внутренним взором ртутную сферу, лицо Кейна, спирали на мониторах.

— Лаура, — сказал он медленно, — я видел кое-что. В том сне. Кое-что конкретное.

Она вскинула бровь.

— Ты видел сон. Это был сбой. Что может быть в нем конкретного?

— Кейн, — ответил он. — Я видел Кейна. Он был жив. И он сказал, что проект «Сомнус» — это не чтение снов. Это трансляция.

Лаура замерла. Её пальцы зависли над клавиатурой.

— Трансляция чего?

— Кошмаров, — Рид сглотнул. — Или того, что мы называем кошмарами. Он сказал, что мы построили дренажную трубу. Что сны — это информация из параллельных реальностей. И что они ищут носителя.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом серверов. Затем Лаура коротко, нервно рассмеялась.

— Ты хочешь сказать, что твой сон выдал тебе стройную научную гипотезу? Алан, ты нейробиолог. Ты сам знаешь, что мозг способен генерировать самые безумные конструкции, особенно в состоянии стресса. Ты начитался перед сном теорий о мультивселенной, твой мозг переработал их в кошмар, и вот результат.

— А как ты объяснишь четырнадцать секунд клинической смерти? — тихо спросил Рид. — И оплавившиеся датчики? И ртуть, которая не подчинялась гравитации?

— Ртуть?

— Да. После того, как я очнулся, на потолке висела капля ртути. Она пульсировала в такт моему сердцебиению.

Лаура медленно покачала головой.

— Я не видела никакой ртути. Мы все обыскали. Возможно, у тебя были галлюцинации из-за перегрузки.

Рид не стал спорить. Он знал, что видел. Но он также знал, что без доказательств Лаура не поверит. Ему нужны были данные. Ему нужен был архив Кейна.

— Дай мне доступ к старым файлам проекта, — попросил он. — Ко всему, что осталось после смерти Кейна.

Лаура нахмурилась.

— Это закрытый архив. Даже у тебя нет полного доступа.

— Значит, взломай его, — Рид встал и оперся о консоль. — Ты же у нас специалист по обходу систем. Или ты забыла, как мы вытаскивали данные из Министерства обороны?

Она посмотрела на него долгим, испытующим взглядом. В её глазах мелькнуло что-то — то ли уважение, то ли страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.